

IV. ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ В МНОГОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

DOI: 10.35634/2500-0748-2023-15-2-182-191

УДК 811.581'373.72(045)

Ю.Е. Арекеева

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Научные исследования начала XXI в. демонстрируют большую значимость оппозиции «Свой – Чужой» в контексте мультикультурных исследований. В статье рассматриваются вопросы категоризации действительности посредством бинарных оппозиций, а также основные аспекты анализа оппозиции «Свой – Чужой», представленные в современных научных работах. Актуальность статьи заключается в необходимости исследования оппозиции «Свой – Чужой» в условиях нарастания тенденций глобализации и мультикультурализма, происходящих на сегодняшний день геополитических событий и процессов, что включает в себя воссоздание фрагментов языковых картин мира, специфика которых в значительной степени определяется данной оппозицией. Цель исследования – определить особенности фразеологической категоризации оппозиции «Свой – Чужой» в китайской лингвокультуре. В процессе исследования использовались описательный метод, метод теоретической интерпретации эмпирических данных, методы семантического и контекстуального анализа, приемы классификации и систематизации. Репрезентация оппозиции «Свой – Чужой» выражается в категоризации, позволяющей делить объективную действительность на «свою» и «чужую», а также противопоставлять «себя» «чужим». В ходе исследования природы оппозиции «Свой – Чужой» были выделены четыре основных исследовательских подхода, изучающих ее как бинарную оппозицию, как концепт, как мифологему и как категорию. Объединяющим все подходы параметром является архетипический принцип бинарности, отражающий специфику этнической интерпретации действительности. Материалом послужили более 200 чэньюй, природу которых составляет противопоставление «свой – чужой», взятых из текстовых фрагментов произведений китайской художественной литературы корпусов китайского языка. В результате были выделены и описаны когнитивные признаки СЕМЬЯ, ДЕНЬГИ, ЭТИКЕТ.

Ключевые слова: оппозиция «Свой – Чужой», категоризация, бинарная оппозиция, концепт, мифологема, категория, когнитивные признаки.

Сведения об авторе:

Арекеева Юлия Евгеньевна, старший преподаватель кафедры романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики, Удмуртский государственный университет (г. Ижевск, Россия); e-mail: izh4yu@gmail.com. – ORCID ID: 0000-0003-2016-745X.

Введение

Многочисленные исследования взаимосвязи языка и культуры, характерные для лингвистики начала XXI в., позволяют определить чрезвычайную значимость бинарной оппозиции «Свой – Чужой» как категории сознания и языкового понятия. Данная оппозиция в той или иной степени затрагивалась различными лингвистами (Р. Водак, Л.И. Гришаева, Т.А. ван Дейк, Ю.С. Степанов, Е.И. Шейгал, R. Fowler и другие). В их работах речь идет прежде всего о происхождении данной оппозиции, средствах ее языкового выражения, отражении в культурной и социальной жизни и т.д.

Оппозиция «Свой – Чужой» рассматривается как одна из основных бинарных парадигм мышления. Данная оппозиция используется во всех видах человеческой деятельности и об-

ладает иерархической структурой, базирующейся на различных уровнях противопоставления: во-первых, противопоставление себя окружающему миру (оппозиция «Я – Другое» / «Я – Оно»), во-вторых, своей личности – другой индивидуальности («Я – Ты»), в-третьих, собственной личности – первичной социальной группе («Я – Мы» / «Я – Вы») и, в-четвертых, группы, членом которой является индивид, другой социальной группе («Мы – Они» / «Мы – Вы») [Зырянов и др., 2021: 47].

Цель настоящего исследования – определение особенностей фразеологической категоризации оппозиции «Свой – Чужой» в китайской лингвокультуре. В задачи исследования входят анализ современных научных подходов к осмыслению оппозиции «Свой – Чужой» и формирование классификационных когнитивных признаков, вербализуемых фразеологическими средствами. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые определены когнитивные критерии понимания базовых сущностей фразем – актуализаторов оппозиции «Свой – Чужой» в китайской лингвокультуре.

1. Оппозиция «Свой – Чужой»: основные аспекты анализа

В XXI в. в центре внимания когнитивных наук находятся вопросы природы мышления, сущности категоризации и ее связи с мышлением, видов знания и способов их языкового представления. Основатель когнитивной психологии Дж. Брунер подчеркивал, что, «если мы хотим сказать о предмете нечто более содержательное, чем просто указать на его принадлежность к подмножеству данного множества, следует его категоризировать... Если бы какое-нибудь восприятие оказалось не включенным в систему категорий, то есть свободным от отнесения к какой-либо категории, оно было бы обречено оставаться недоступной жемчужиной, жар-птицей, погребенной в безмолвии индивидуального опыта» [Брунер, 1977: 14–15].

Репрезентация оппозиции «Свой – Чужой» выражается в категоризации, позволяющей делить объективную действительность на «свою» и «чужую», а также противопоставлять «себя» «чужим». По словам Н.Ф. Алефиренко, «категоризация вербализуемого посредством косвенной номинации фрагмента мира осуществляется при помощи сопоставления признаков именуемого объекта с тем прототипом, который является фокусом соответствующей категории» [Алефиренко, 2002: 206]. Анализ языковых единиц, репрезентирующих оппозицию «Свой – Чужой», способствует постижению менталитета нации, восприятия человеком себя и мира в процессе когнитивной деятельности.

Изначально понятия «Свой» и «Чужой» составляли единое целое – среду обитания человека. Однако в результате категоризации жизненного пространства, развития мышления индивида бинарная модель мира усложняется и разрастается до многоуровневых связей человека с обществом: родственных, языковых, профессиональных, этнических и других. В современной культурной коммуникации категория «Свой – Чужой» репрезентируется как самоотнесение субъекта к определенной социальной группе, понимаемой как «свои», и отделение себя от общности, определяемой субъектом как «чужие».

Оппозиция «Свой – Чужой» охватывает всю культуру, так как в основе всякого мироощущения лежат операции тождества и различения «своего» и «чужого». Она является универсальным понятием для многих наук, включая лингвистику, философию, психологию, социологию и др., и представляет собой базовый ориентир, позволяющий формировать суждения о нормах и ценностях, принятых в определенном сообществе. Полагание объекта «своим» подразумевает сопоставление его характеристик и ценностей с теми, которые распространены в данном сообществе. Оппозиция представляет собой одну из наиболее древних культурных, языковых констант, входящих в национальную картину мира. Она служит основой для разделения всего на знакомое, родное, близкое и неосвоенное, далекое, враждебное. Рамки социального восприятия «Свой – Чужой» присутствуют у всех представителей культурного сообщества. Четкое противопоставление своих и чужих возникало у различных народов и подкреплялось различиями языка, верованиями, различиями образа жизни и моральными нормами.

В современной научной парадигме осмыслением оппозиции «Свой – Чужой» активно занимаются как отечественные, так и зарубежные ученые из разных областей гуманитарных наук. Актуализация оппозиции «Свой – Чужой» в языковой картине мира того или иного этноса подвергается научной рефлексии с позиций разных теоретико-методологических подходов.

Оппозиция «Свой – Чужой» рассматривается прежде всего в качестве универсальной бинарной оппозиции, определяющей категории человеческого сознания. Такие понятия связаны между собой и образуют своего рода «модель мира», при помощи которой люди воспринимают окружающую действительность [Пинтова, 2008: 144].

Классификация этих понятий предложена в работе Т.В. Цивьян: бинарные оппозиции со структурой пространства (вверх / вниз, небо / земля, восток / запад и др.); со структурой времени (день / ночь, лето / зима и т.д.); с цветом (белый / черный, красный / черный и т.д.); с оппозицией природа / культура (мокрый / сухой, сырой / вареный и др.); с социальными категориями (мужской / женский, старший / младший, свой / чужой, внутренний / внешний и т.д.). На основе этих наборов двоичных признаков конструируют универсальные знаковые комплексы, с помощью которых и усваивается мир [Цивьян, 1990: 5–6]. Соответственно, оппозиция «Свой – Чужой» представляет собой универсальное бинарное противопоставление, отражающее ценностные ориентиры этноса и многовековой опыт человечества.

Бинарные оппозиции могут существовать в таких формах, как концепт, мифологема, категория. Ю.С. Степанов [Степанов, 2004], И.С. Выходцева [Выходцева, 2006] и другие рассматривают оппозицию в качестве концепта. Под концептом вслед за Ю.С. Степановым будем понимать «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», а также «то, посредством чего человек... сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов, 2004: 43]. Концепт «Свой – Чужой» отличается от единичных концептов наличием семантической пары, тесная связь между составляющими данной пары и одновременно их смысловое различие отражают особенности языкового сознания нации и ее отдельных представителей. «Мы должны говорить здесь не только о действительном, объективно существующем различии людей по линии «Свои» – «Чужие», но и о тех мифологизированных, а подчас и просто фантастических формах, которые это различие приобретает в их сознаниях. А эта сфера, «Свои» – «Чужие», – как раз такая, где само противопоставление создается не только объективными данными, но и субъективным отражением в сознании» [Степанов, 2004: 127].

Бинарная оппозиция «Свой – Чужой» представлена в работах исследователей и как мифологема [Серегина, 2012; Хлыщева, 2015; Неверович, 2016 и др.]. Мифологема представляет собой единицу мифологического мышления, семантизируемую оппозицию, обобщенно отражающую действительность, в которой зафиксированы правила описания существующего порядка вещей. Она рассматривается как самостоятельная единица мифологического мышления, образ, обладающий целостностью для культурного человека, содержащий устойчивый комплекс определенных черт [Баевский и др., 2003: 14].

Е.В. Хлыщева, обращаясь к оппозиции «Свой – Чужой» в контексте исследований культуры, связывает механизм определения мифологемы с идеологией общества потребления. Исследователь отмечает, что особенно наглядно мифологемы воспроизводятся в межкультурном общении, затрагивая все уровни коммуникации: от профессионального до обыденного. В основе такого взаимодействия лежит четкое различие «своих» и «чужих», что уже не соответствует изменяющимся социокультурным условиям, когда мощные миграционные потоки сталкивают культуры между собой. Затрагивая глубины сознания индивида, именно миф закладывает определенные модели поведения, создавая устойчивые стереотипы различения. По мнению Е.В. Хлыщевой, «свои» пользуются определенной системой потребительских знаков, «по которым узнают» принадлежность индивида к определенному слою независимо от его желания. Более того, люди, прошедшие социализацию в определенном слое, чувствуют дискомфорт от пребывания в чужом поле [Хлыщева, 2015: 34–40].

Представление оппозиции «Свой – Чужой» в качестве категории, то есть максимально широкой и общей структуры знания, в работах исследователей встречается довольно часто.

Категории являются результатом когнитивного процесса категоризации. Оппозиция «Свой – Чужой» как одна из базовых культурно-психологических категорий позволяет индивиду структурировать пространство и определять свойства находящихся в нем объектов по отношению к самому себе или своему личному пространству. По мысли М.Л. Хохлиной, глубинные пласты нашего сознания состоят из категоризации объектов, принадлежащих к сферам «Своего» и «Чужого», поэтому категория «Свой – Чужой» рассматривается ей в качестве основополагающей категории сознания, сформировавшейся в ходе осмысления действительности [Хохлина, 2011: 91]. Множественность интерпретаций «Своего – Чужого» как значимой категории сознания сводится, согласно М.Л. Хохлиной, к двум основным процессам: во-первых, категоризации, затрагивающей членение на «Свое» и «Чужое» объективной действительности, то есть окружающего мира, и, во-вторых, категоризации «Своего» и «Чужого», связанной со стремлением самоидентификации человека путем противопоставления себя другим [Хохлина, 2011: 92].

Рассмотрев различные подходы к определению сущности оппозиции «Свой – Чужой», в нашем исследовании мы берем за основу понимание оппозиции как ядерной категории сознания.

2. Фразеологическая категоризация оппозиции «Свой – Чужой» в китайской лингвокультуре

Материалом для нашего исследования послужили китайские фразеологизмы, вербализующие оппозицию «Свой – Чужой». Они отобраны нами из словарей: Китайско-русский фразеологический словарь [КРФС], 汉语大辞典 Hànyǔ dà cí diǎn «Большой словарь китайского языка» [HDC], 大БКРС [БКРС] и другие. В результате были выделены чэньюй, являющиеся этноспецифичной формой выражения народной мудрости. По определению Чэнь Шуана, китайские чэньюй – это «фразеологические связанные, устойчивые лексико-синтаксические единицы современного китайского языка, которые в краткой отточенной форме четырех-сложных (в основном) ритмических словосочетаний и предложений, насыщенных архаизмами, ярко, живо и выразительно отображают различные понятия реальной действительности китайского этноса» [Чэнь Шуан 2007: 8].

Далее выявленные единицы вводились в строку поиска в корпусах с целью реализации корпусного анализа и использования метода направленной выборки. В результате работы с данными словарей было проанализировано более 200 чэньюй, более 1000 контекстов из баз Корпуса китайского языка Пекинского Университета [CCL] и Корпуса современного китайского языка [BCC]. К собранному материалу были применены методы семантического, контекстуального анализа, описательный метод. С целью классификации материал исследования систематизирован по классификационным когнитивным признакам и детализирующим их дифференциальным признакам.

Необходимо подчеркнуть, что в китайской лингвокультуре центральное место занимает институт семьи, представляющей собой наибольшую ценность в структуре китайской ментальности и являющейся основой функционирования общества. Традиционным укладом в Китае считается совместное проживание от трех до пяти поколений родственников, которые сообща решают бытовые и семейные проблемы, поддерживают друг друга, сохраняют родовые обычаи. В связи с этим в рамках нашего исследования выделенные когнитивные признаки тесно связаны с семьей и внутрисемейными отношениями.

Когнитивный признак СЕМЬЯ

В представлениях древних китайцев, семья – это модель государства в миниатюре; она характеризуется патриархальностью и формируется на основе конфуцианских норм морали и культа предков. Значение семьи в китайской культуре трудно переоценить: это и взаимовыручка, и поддержка, и поддержание моральных устоев, и соблюдение семейных ритуалов, и коллективистский подход к жизни. Данный когнитивный признак конкретизируется диффе-

ренциальными признаками *родной – неродной, отец – сын, в браке – вне брака, мир, согласие – ссора* и другими.

Дифференциальные признаки *родной – неродной* иллюстрируются парой китайских чэньюй *骨肉至亲 gǔròu zhìqīn – 螟蛉之子 míng líng zhī zǐ*. Чэньюй *骨肉至亲* (букв. *‘Родные, как кости с мясом’*) (Здесь и далее пер. – Ю.А.) имеет значение *‘Самые близкие родственники’*, используется для описания ближайших в иерархии семейных связей, кровных родственников, наделен положительной аксиологической окраской. Чэньюй встречается в книге *«Полная биография семьи Чан»* автора Чжу Сяопина, вышедшей в 2001 г., в которой описаны факты из жизни Чан Кайши, китайского военного и политического деятеля (1887–1975 гг.):

而如今台湾岛上下只剩下蒋氏父子，卧榻之侧，岂容得老谋深算的陈氏兄弟酣睡。于是，蒋介石决意将CC系从国民党中连根拔掉，而把党权交给自己的骨肉至亲蒋经国。[CCL] – *‘Но теперь на острове Тайвань остались только Чан и его сын, как можно позволить изодранным братьям Чен спокойно спать на краю дивана? Поэтому Чан Кайши решил выкорчевать фракцию ЦК из Гоминьдана и передать партийную власть своему близкому родственнику Чан Цзин-го’.*

Второй чэньюй исследуемой антонимической пары, *螟蛉之子* (букв. *‘Личинка насекомого-вредителя’*), описывает приемного, неродного ребенка, часто не получающего поддержки от членов новой для него семьи и, соответственно, нередко наделяется отрицательной окраской. Данное значение чэньюй связано с тем, что некоторые насекомые-паразиты часто откладывают яйца в живые личинки других насекомых, а после вылупления из яиц съедают этих насекомых.

В отдельных случаях член семьи, воспринимаемый ранее как «чужой», может с течением времени стать «своим», происходит трансформация «чужого» в «своего». Например, чэньюй *螟蛉之子* находим в китайском историческом романе *«Истории Юэ Фэя»*, написанном автором Цянь Цай из династии Цин (впервые опубликован в 1684 г.):

周侗年迈，巴不得将平生一十八般武艺，尽心传授与螟蛉之子。[HDC] – *‘Чжоу Тун стар, и он очень хочет передать восемнадцать боевых искусств в своей жизни своему приемному сыну’.*

Рассмотрим детализацию когнитивного признака СЕМЬЯ при помощи дифференциальных признаков *мир, согласие – ссора*. Чэньюй *夫唱妇随 fūchàngfùsuí* (букв. *‘Муж запева-ет – жена подпевает’*) используется в значении *‘Жить в мире и согласии’*. Он восходит к эпохе феодального общества, в котором считалось, что жены должны подчиняться своим мужьям, позже чэньюй стал описывать хорошие отношения между супругами.

Чэньюй *夫唱妇随* встречается в романе китайского писателя Ши Кан (1968 г. р.) *«Борьба»*, описывающем историю группы добрых, смелых и настойчивых молодых людей, которые мужественно борются и наконец находят свое место в жизни:

华子立刻接上：“还有啊，你的观念太土鳖了，还想玩那种你挣钱人家花夫唱妇随的封建手法，告诉你，过时了！[CCL] – *‘Хуа Цзы тут же подключился: ‘Кроме того, твоя идея слишком глупа, ты все еще хочешь играть в консервативную семью, в которой муж и жена живут в согласии, и ты зарабатываешь, а другие тратят, говорю тебе, что это устарело!’.*

Антонимичный чэньюй *夫妻反目 fūqī fǎnmù* (букв. *‘Муж и жена отводят глаза в сторону’*) вербализует дифференциальный признак *ссора* и описывает напряженные, негармоничные отношения, разлад между супругами [БКРС]. Встречается в статье газеты *«Жэньминь жибао»* за 1994 г. (4 квартал), в которой дается оценка одной из новых сценических постановок:

此剧在导演和表演上也很有特点，紧紧抓住感情冲突最激烈的场合予以强调，把公媳智斗、夫妻反目、湖边夜叹等几个重场戏发挥得淋漓尽致。[CCL] – *‘Спектакль очень характерен и в режиссерско-исполнительском плане, в нем акцентируется внимание на*

наиболее напряженных эмоциональных конфликтах, ярко и детально показаны несколько важных сцен, таких как **ссора между мужем и женой**, ночные беседы у озера’.

Объективация дифференциальных признаков мир, согласие – ссора указывает на особую ценность гармонии в отношениях и на то, что между «своими» возможны как гармоничные отношения, так и проблемы в коммуникации.

Когнитивный признак ДЕНЬГИ

В системе китайских ценностей деньги традиционно занимают очень значимое место. Как справедливо замечает Л.А. Горобец, «в силу этого в китайской традиции богатство находит зримое воплощение в развитом культе, включающем собственный пантеон, нормативную обрядовость и особое магическое содержание. В совокупности с культом предков он участвует в формировании основ китайской духовности и специфики национального менталитета» [Горобец 2017: 129]. Состоятельные люди в Китае обладают особым статусом, вызывают восхищение со стороны других, поскольку имеют возможность более легко реализовывать свои цели и планы, решать проблемы и грамотно распоряжаться этим ценным ресурсом, поэтому трудолюбие и усердие в работе играют важную роль в отношении китайцев к труду и заработку. Когнитивный признак ДЕНЬГИ детализируется дифференциальными признаками *богатство – бедность, сбережения – траты* и другими.

Субоппозиция *богатство – бедность* репрезентирована фраземами 子女玉帛 zǐ nǚ yù bó – 卖儿鬻女 mài ér yù nǚ. Первый из представленной пары, чэньюй 子女玉帛 буквально переводится как ‘Дети, яшма и шелк’. Значение его восходит к подаркам, которыми в древности обменивались царства при заключении союзов, позже чэньюй стал использоваться для общего обозначения богатства и красоты. Встречается в рыцарском романе писателя Цзинь Юн (1924–2018 гг.) «Меч небес и сабля дракона»:

谢逊哈哈大笑，说道：“难道世上真有分辨是非之事？当今蒙古人做皇帝，爱杀多少汉人便杀多少，他跟你讲是非么？蒙古人要汉人的子女玉帛，伸手便拿，汉人若是不服，他提刀便杀，他跟你讲是非么？” [CCL] – ‘*Се Сюнь громко рассмеялся и сказал: «Неужели в мире еще можно отличить добро от зла? Сегодня монголы на троне, и они могут убить столько ханьцев, сколько захотят. Он рассказал тебе, что правда, а что ложь? Монголы хотят нефрит, шелк и детей ханьцев, и они могут взять их своими руками. Если ханьцам этоне нравится, они убьют их, он рассказал тебе, что правда, а что нет?»’.*

Второй член антонимической пары, *бедность*, представлен чэньюй 卖儿鬻女 (букв. ‘Продавать сына, отдавать за калым дочь’), используемым в значении ‘Продавать детей из-за бедности’. Данный чэньюй описывает жизнь в нищете и без поддержки, вынуждающую идти на торговлю детьми. В Корпусе китайского языка Пекинского Университета представлен в контексте статьи из газеты «Жэньминь жибао» за 2000 год, в которой дается описание бедственного положения крестьян в разные исторические времена:

在长期的封建社会中，农民始终是苛捐杂费最主要的承担者。繁重的摊派、收费，使广大农民不堪重负，加剧了农民的贫困化，使大批农民倾家荡产，卖儿鬻女，流离失所，四处逃亡，严重地破坏了农业生产和农村经济的发展。[CCL] – ‘*На протяжении долгого времени в феодальном обществе крестьяне всегда были главными носителями непомерных различных расходов. Большие доли и сборы ложились тяжелым бременем на большинство сельских жителей, усугубляли их обнищание и приводили к тому, что большое число крестьян разорялись, продавали своих детей, становились бездомными бродягами и беженцами, что серьезно подрывало развитие сельскохозяйственного производства и сельской экономики’.*

Дифференциальные признаки *богатство – бедность* вербализуют отношения принадлежности денежных ресурсов «своим» или «чужим»: «свое» как самое ценное и дорогое, которое может быть в силу разных причин передано «чужим».

Когнитивный признак ЭТИКЕТ

Ритуально-этические принципы являются неотъемлемой частью жизни китайцев, отражаясь прежде всего в учении Конфуция, который придавал большое значение этическим нормам и церемониям. Реализация морально-нравственных ценностей происходила не только в рамках семьи, но и распространялась на широкий круг социальных связей человека, обуславливая его положение в обществе и поддерживая культ «лица». Оппозиция «Свой – Чужой» проявляется здесь через дифференциальные признаки *почтительность – непочтительность, обычаи – новшества* и т.д.

Дифференциальные признаки *почтительность – непочтительность* представлены чэньюй 忠臣孝子 zhōngchén xiàozi – 逆子贰臣 nì zǐ èr chén. Чэньюй 忠臣孝子 (букв. 'Верный слуга, преданный сын') встречается в значении 'Быть преданным государю сановником и почтительным сыном'. Этот чэньюй олицетворяет основополагающий принцип культа предков в Китае, возвеличенный конфуцианством, согласно которому почтение к родителям (не только в рамках отдельной семьи, но и государства – высокое государственное служение), забота о них и беспрекословное повиновение – это священные обязанности каждого китайца.

Употребление чэньюй 忠臣孝子 находим в романе 1998 г. писателя Чжоу Сянь «История войны пяти варварских племен севера»:

至于他喜欢的人，向来没有准绳，忠臣孝子、淫贼大盗都说不上，而他不喜欢的人倒是很多，这次他怎会大违常态，开口就是诊金？[BCC] – *‘Что касается людей, которые ему нравятся, то у него никогда не было стандарта, и верные служители и сыны, и развратники и разбойники – любому могли принадлежать его симпатии, однако есть также много людей, которые ему не нравятся, как он мог нарушить общие нормы на этот раз, требуя гонорар?’*

Второй член субоппозиции, *непочтительность*, репрезентирован чэньюй 逆子贰臣 (букв. 'Строптивый сын, перебежчик'). 贰臣 – человек, занимающий высокую официальную должность в новой династии после капитуляции старой, ренегат, перебежчик. Чэньюй описывает людей, нарушающих приказы старших, неверных и непочтительных. Обычно наделяется негативной аксиологической окраской, как, например, в сборнике эссе китайско-американского писателя Юй Цзе «Огонь и лед» (1998 г.), в котором отражена строптивная и непослушная личность героя:

1935年6月18日，溜秋白在福建长汀含笑就义时的枪声，不知远在上海的导迅是否听到？秋白的命运就是会迅的命运。秋白说过，日迅是“逆子贰臣”，他自己也是。所有的话都是多余的了。[BCC] – *‘18 июня 1935 года, когда Лю Цюбай умер с улыбкой на лице в Чантине, провинция Фуцзянь, слышал ли выстрел начальник Сюнь в Шанхае? Судьба Цюбая – это судьба Сюня. Цюбай сказал, что Жи Сюнь – мятежный сын и второй министр, как и он сам. Все остальные слова излишни’.*

Заключение

Анализ существующих точек зрения на природу оппозиции «Свой – Чужой» позволил выделить четыре основные исследовательские позиции, изучающие ее как бинарную оппозицию, как концепт, как мифологему и как категорию. Объединяющим все подходы параметром является базовый принцип бинарности оппозиции, представляющей собой универсальное бинарное противопоставление, отражающее ценностные ориентиры этноса и многовековой опыт человечества.

Результатом категоризации как когнитивного процесса является формирование когнитивных классификационных признаков. При обобщении отдельных когнитивных признаков оппозиции «Свой – Чужой», репрезентированных в китайских чэньюй, были выделены следующие классификационные когнитивные признаки: СЕМЬЯ, ДЕНЬГИ, ЭТИКЕТ.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что оппозиция «Свой – Чужой» является фундаментальной категорией для развития этноса, имеет социальную природу и про-

являет себя в самых разных социальных сферах жизнедеятельности, формирует национальную и социальную идентичность. Категория «Свой – Чужой» имеет сложнейшую когнитивную структуру, тяготеет к универсальности, вступает в оппозитивные отношения и благодаря этому отражает специфику национальной интерпретации действительности в пределах ее бинарного членения.

Литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002.
2. Баевский В.С., Романова И.В., Самойлова Т.А. Русская лирика XIX–XX вв. в диахронии и синхронии // Математическая морфология: электр. матем. и мед.-биол. журнал. Смоленск: Изд-во Смоленск. гос. мед. ун-та, 2003. Т. 5. С. 33–57.
3. Брунер Дж. Психология познания. За пределами непосредственной информации: пер. с англ. М.: Прогресс, 1977.
4. Выходцева И.С. Концепт «Свой – Чужой» в советской словесной культуре (20–30-е гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
5. Горобец Л.А. Ценность богатства в культуре Китая: Процесс сакрализации // 30 лет кафедре религиоведения Уральского федерального университета: сб. науч. ст. Екатеринбург: Издательско-полиграфическое предприятие «Макс-Инфо», 2017. С. 125–138.
6. Зырянов М.С., Кашпур В.В., Андреева Т.Л. «Свой»: Анализ языковой репрезентации и моделирование категории (на материале существительных, функционирующих в текстах российских и американских СМИ о вооруженном конфликте в Сирии) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 1. С. 46–62.
7. Неверович Г.А. Архетипическая мифологема «Свой / Чужой / Другой» в художественном мире детства деревенской прозы (В.П. Астафьев «Далёкая и близкая сказка») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 4. Ч. 2. С. 33–35.
8. Пинтова А.А. Универсальная бинарная оппозиция старый / молодой в английской и русской пословичных картинах мира // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 77. С. 144–146.
9. Серегина М.А. Когнитивные аспекты русской и немецкой паремиологии. Saarbrücken: AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG, 2012.
10. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.
11. Хлыщева Е.В. Мифологема «Свой – Чужой» в гетеротопном пространстве общества потребления // Южно-российский журнал социальных наук. 2015. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologema-svoy-chuzhoy-v-geterotopnom-prostranstve-obschestva-potrebleniya>.
12. Хохлина М.Л. Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого» // Rhema. Рема. 2011. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-frazeologicheskoy-kategorizatsii-svoego-i-chuzhogo>.
13. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира / Институт славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1990.
14. Чэнь Шуан. Методика обучения студентов пониманию и интерпретации китайских идиом чэньюй на продвинутом этапе языкового вуза: автореф. дис. ... канд. пед. наук, Иркутск, 2007.
15. [БКРС] – 大БКРС 大БКРС. Большой китайско-русский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bkrs.info/>.
16. [БПЭ] – Большая психологическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psychology.academic.ru/>.
17. [БЭС] – Большой энциклопедический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>.
18. [КРФС] – Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 2019.
19. [ТСРЯО] – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ozhegov.info/slovar/>.
20. [ТСРЯУ] – Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>.

21. [BCC] – Корпус современного китайского языка 汉语语料库 Hànyǔ yǔliàokù. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bcc.blcu.edu.cn/>.
22. [CCL] – Корпус китайского языка Пекинского Университета 北京大学汉语语料库 Běijīng dàxué hànyǔ yǔliàokù. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/.
23. [HDC] – 汉语大辞典 Hànyǔ dàcídiǎn. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hydc.com/>.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Статья поступила в редакцию 01.04.2023

Yu.E. Arekeeva

Udmurt State University, Izhevsk, Russia

FEATURES OF THE PHRASEOLOGICAL CATEGORIZATION OF THE OPPOSITION “FRIEND – FOE” IN THE CHINESE LINGUOCULTURE

Scientific research at the start of the XXIst century demonstrates a great importance of the opposition “Friend – Foe” in the context of multicultural studies. The article deals with the issues of categorization of reality through binary oppositions, as well as the main aspects of the analysis of the opposition “Friend – Foe,” presented in modern scientific works. The relevance of the article lies in the need to study the opposition “Friend – Foe” in the context of the growing trends of globalization and multiculturalism, geopolitical events and processes taking place today, which includes the reconstruction of some fragments of linguistic pictures of the world, the specificity of which is largely determined by this opposition. The purpose of the study is to determine the peculiarities of the phraseological categorization of the opposition “Friend – Foe” in the Chinese linguistic culture. In the course of the study we applied the following research methods: a descriptive method, a method of theoretical interpretation of empirical data, the methods of semantic and contextual analysis, the methods of classification and systematization. Representation of the opposition “Friend – Foe” is expressed in categorization, which makes it possible to divide objective reality into “one’s own” and “alien,” as well as to oppose “oneself” to “alien.” In the course of studying the nature of the opposition “Friend – Foe,” four main research approaches were identified, which study the opposition as a binary one, a concept, a mythologeme and a category. The parameter that unites all approaches is the archetypal principle of binarity, which reflects the specifics of the ethnic interpretation of reality. The research material includes more than 200 chengyu, the nature of which is the opposition of “Friend – Foe,” they are taken from text fragments of the works of the Chinese literature belonging to the Chinese language corpora. As a result, the cognitive features FAMILY, MONEY, ETIQUETTE were identified and described.

Key words: opposition “Friend – Foe,” categorization, binary opposition, concept, mythologeme, category, cognitive features.

About the author:

Arekeeva Yuliya Evgenyevna, Senior Lecturer of the Department of the Romance Philology, Second Foreign Language and Linguodidactics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: izh4yu@gmail.com. – ORCID ID: 0000-0003-2016-745X.

References:

1. Alefirenko, N.F. *Poetic Energy of the Word: Synergetics of Language, Consciousness and Culture*. Moscow, 2002.
2. Baevskiy, V.S., Romanova, I.V., Samoylova, T.A. “Russian Lyrics of the 19th – 20th Centuries in Diachrony and Synchrony.” *Matematicheskaya Morfologiya*, vol. 5, Smolensk, 2003, pp. 33–57.

3. Bruner, J. *Beyond the Information Given: Studies in the Psychology of Knowing*. Moscow, 1977.
4. Vykhodtseva, I.S. *The Concept of "Friend – Foe" in Soviet Verbal Culture (20–30s of the XXth Century)*: Cand. Sci. (Philol.) Diss. Abstr., Saratov, 2006.
5. Gorobets, L.A. "The Value of Wealth in Chinese Culture: The Process of Sacralization." *30 Let Kafedre Religiovedeniya Ural'skogo Federal'nogo Universiteta*, Ekaterinburg, 2017, pp. 125–138.
6. Zyryanov, M.S., Kashpur, V.V., Andreeva, T.L. "Own": Analysis of Language Representation and Category Modeling (on the Material of Nouns Functioning in the Texts of Russian and American Media about the Armed Conflict in Syria)." *Teoreticheskaya i Prikladnaya Lingvistika*, vol. 7, no. 1, 2021, pp. 46–62.
7. Neverovich, G.A. "Archetypal Mythology 'Friend / Alien / Other' in the Artistic World of Childhood in Rural Prose (V.P. Astafiev 'Far and Near Tale')." *Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki*, Tambov, no. 4, part 2, 2016, pp. 33–35.
8. Pintova, A.A. "Universal Binary Opposition Old / Young in English and Russian Proverbial Pictures of the World." *Izvestiya Rossiyskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A.I. Gertsena*, no. 77, 2008, pp. 144–146.
9. Seregina, M.A. *Cognitive Aspects of Russian and German Paremiology*. Saarbrücken, 2012.
10. Stepanov, Yu.S. *Constants: Dictionary of Russian Culture*. Moscow, 2004.
11. Khlyshcheva, E.V. "Mythologeme 'Friend – Foe' in the Heterotopic Space of the Consumer Society." *Yuzhno-Rossiyskiy Zhurnal Sotsial'nykh Nauk*, no. 3, 2015, <https://cyberleninka.ru/article/n/mifologemasvoy-chuzhoy-v-geterotopnom-prostranstve-obschestva-potrebleniya>.
12. Khokhlina, M.L. "Peculiarities of Phraseological Categorization of 'Own' and 'Alien'." *Rhema*, no. 2, 2011, <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-frazeologicheskoy-kategorizatsii-svoego-i-chuzhogo>.
13. Tsiv'yan, T.V. *Linguistic Foundations of the Balkan Model of the World*. Moscow, 1990.
14. Chen Shuang. *A Methodology for Teaching Students to Understand and Interpret Chinese Chengyu Idioms at an Advanced Stage of a Language University*: Cand. Sci. (Ped.) Diss. Abstr., Irkutsk, 2007.
15. [BKPC] – 大BKPC DàBKPC *Big Chinese-Russian Dictionary*, <https://bkrs.info/>.
16. [БПЭ] – *Big Psychological Encyclopedia*, <https://psychology.academic.ru/>.
17. [БЭС] – *Big Encyclopedic Dictionary*, <https://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/>.
18. [КРФС] – Gotlib, O.M., Mu, Huayin. *Chinese-Russian Phraseological Dictionary*. Irkutsk, 2019.
19. [ТСРЯО] – Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*, <http://ozhegov.info/slovar/>.
20. [ТСРЯУ] – *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Edited by D.N. Ushakov, <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>.
21. [BCC] – 汉语语料库 *Hànyǔ yǔliàokù*, <http://bcc.blcu.edu.cn/>.
22. [CCL] – 北京大学汉语语料库 *Běijīng dàxué hànyǔ yǔliàokù*, http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/.
23. [HDC] – 汉语大辞典 *Hànyǔ dàcídiǎn*, <http://www.hydc.com/>.

Received 01.04.2023